

ФЕЛЬТОН

НА ВЫСОКИХ НОТАХ

Сергей Яковлевич Орланский не обладал завальными данными, не исполняет и ни арши, ни романсов. Да он и не должен брать верхнее си-бемоль и поражать слушателей виртуозной тапачкой своего голоса. Орланский — дирижер. Главный дирижер Ленинградского театра музыкальной комедии. Беспопулярным моментом пачочки вызывает он в жизни веселые напевы оперетт.

Однако Орланский не хочет молча стоять за пультком. В результате публича в зрительном зале видят не только уверенный жест дирижера, но порой слышат и его голос, хотя основные выступления Орланского не предусмотрены ни либретто, ни клавиром, ни замыслом постановщика.

— О, свет очей моих! — поет на сцене герой оперетты, пагетически простирала руки к своей возлюбленной, — я хочу тебе сканить слово нежное, как шелест весеннего ветра.

А в это время в оркестре кто-то злобно шепчет:

— Дубина!

— Поим тоску мою, — томно поет герой на сцене.

— Господи, какая тупица, — поводит итог любовным влияниям все тот же голос из оркестра.

Зрители, сидящие в первых рядах, вздрагивают, потрясенные до глубины души этим бесподобным «театральным эффектом».

Странные реплики взрываются в жизнь радостных опереточных спектаклей по вине Орланского. Это он, забывая элементарные правила приличия, нарушая ход спектакля, «костит» направо и налево безмолвных оркестрантов. На репетициях же, когда нет посторонних, дирижерское исполнение переходит в откровенный крик. При этом Орланский спешит оделить сочными эпитетами и сравнениями уже не только оркестрантов, но и каждого участника постановки.

«Сальные выступления» Сергея Орланского продолжают не первый год. Орланский побывал уже в ряде городов СССР, работал в нескольких театрах, но нрав его остался неизменным. Дирижер должен объединять усилия отдельных исполнителей — такова уж особенность профессии. Орланский же завоевал себе мрачную известность тем, что весьма умело разбдает тех, кто попадает под его властную руку.

Еще недавно Сергей Яковлевич возглавлял Большой симфонический оркестр Ленинградского радио. В короткий срок Орланский привел этот оркестр в плачевное состояние, посадя в коллективе сляку и раздор. Не снискал себе славы на ниве творческой деятельности, Орланский пытался завоевать ее на сцене беззащитной саморазламы. Найди какую-нибудь доверчивую душу, Сергей Яковлевич начинал живописать потрясающие эпизоды якобы пережитых им триумфов.

— Вы знаете, однажды заболел Н. (тут обычно называется фамилия Какого-нибудь известного музыкального деятеля)... Заболел в день концерта. В ту же секунду из филармонии — курьеры, на управления по делам искусств — курьеры, из руководящих организаций — курьеры... Сергей Яковлевич, просит меня, замените, не дайте погибнуть искусству!

Отвечаю: — Извольте, я готов. Вот только халат смею на фрак.

— Что вы, — кричат, — чужой ты фрак! До концерта три минуты осталось!

На руки — и в машину. Поверьте, так в халате и дирижировал...

Так не избалованный славой в реальности, Орланский теиится во призраках в мечтах. Но зато Сергей Яковлевич никогда не испытывает потребности в критике. Одна из старейших оркестранток — арфистка А. Мятсева попробовала как-то не одобрить некоторые действия главного дирижера.

— Убрать, — сказал Орланский. — Видеть ее не могу!

— Что вы, Сергей Яковлевич, ведь без арфы нельзя, — попытались утешить разбушевавшегося дирижера, — художественный уровень спектакля снизится.

— Мне уровень моего здоровья дороже вашего художественного уровня, — обржал Орланский.

Не взлюбил главный дирижер артистку Г. Богданову-Чеснокову. А тут доклады-ваит, что Богданова-Чеснокова закончила работу над новой ролью.

— Как поет? — спросил Орланский.

— Хорошо.

— А играет?

— Хорошо.

Пришел сам, посмотрел, убедился и... распорядился:

— Убрать!..

Дурные примеры заразительны. Орланскому подражают. И кто же? Сам директор театра А. Гонтарев! На одном из представлений певца Б. взяла невзрную ноту. Директор начал расследование по поводу сего прискорбного факта.

— Как так, я же лично распорядился отменить эту верхнюю ноту!?

На свет появился приказ: «Артистее... объявить строгий выговор за нарушение распоряджения, дирижеру спектакля... объявить выговор за попустительство (!?) в распоряджению директора. Главному дирижеру... поставить на вид за бесконтрольность подобного игнорирования (!?) распоряджения дирекции со стороны исполнительцев и дирижера». Другой выговор в приказе т. Гонтарев вынес в связи с тем, что, видимому (так и записано в сем документе!), дирижер не исправил замеченного директором изъяна в исполнении оркестра и хора.

Так проходит день за днем. Главный дирижер Орланский грубо кричит на подчиненных и сеет сляку, директор Гонтарев помогает Орланскому разваливать творческий коллектив. Уверенность директора и главного дирижера в том, что все вопросы художественной деятельности театра можно решать администрированием, грубым окриком, порой поддерживает и главный режиссер И. Ермаков.

— Зачем, например, своевременно тщательно готовить вторые составы исполнителей? — рассуждает сей ревнитель дисциплины. — Приказал артисту, он и выступит.

Недавно произошел такой случай. Простудился и не смог петь единственный исполнитель роли Андрея в спектакле «Огоньки». Второй исполнитель музыкальную партию онал, но в остальном был еще не готов к выступлению. Ретивые администраторы нашли такое творческое решение задачи, которое, несомненно, обогащает и расширяет наше представление о возможностях жанра музыкальной комедии. Перед зрителями в роли Андрея появились одновременно два артиста — И. Мантур и А. Зяблов. Они ходили по сцене, как братья-близнецы. А Мантур провозносил монологи, объяснялся в любви, но, как только вступал оркестр, немел; тогда вперед выступал его двойник А. Зяблов и, тряхнув кудрями, начинал петь. Бедная героиня не знала, на кого же из них смотреть.

Ленинградская почта не однажды писала о творческих затруднениях, которым переживал и переживает Театр музыкальной комедии. Многие спектакли распатаны, потеряли художественную форму.

Немало зрительских и актерских чтисов и заявлений, в которых обоснованно указывается, что Театр музыкальной комедии находится в состоянии глубокого идейно-художественного прорыва, имеется также в Ленинградском управлении культуры. В этих письмах разным людям единодушно говорят о том, что директор А. Гонтарев не соответствует занимаемой должности, что И. Ермаков не справляется с обязанностями главного режиссера театра: что же касается С. Орланского, то его не раз уже собирались снять. По этому поводу опять-таки писались различные бумаги, но Орланский являлся в управление, стулал вулаком по столу, кричал, грозил подать в суд, звонил в Главлитбуство в Москву, и... местное управление отступало.

А между тем Ленинградскому управлению культуры давно следовало бы прийти на помощь театру и любыми средствами — причем на этот раз административными предпочтительно — пресечь возможность дальнейшего руководства Орланского «на высоких нотах».

Г. КАПРАЛОВ.